

All-Russian scientific-practical conference on May 26–28, 1998. Yekaterinburg-Verkhoturye]. Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1998. pp. 250–253. (In Russian).

Shashkoff A. T. In: Severniy region: Nauka: Obrazovaniye: Kultura [Northern region: Science: Education: Culture]. Vol. 1 (3) (2001): 173–180. (In Russian).

Scheglov I. V. Khronologicheskiy perechen vazhneyshikh dannykh iz istorii Sibiri: 1032–1882 gg. [A chronological list of the most important data in the history of Siberia: 1032–1882]. Surgut: Seerniy dom, 1993. (In Russian).

Yarkov A. P. In: Sapadnaya Sibir: istoriya i sovremennost: Kraevedcheskiye zapiski [Western Siberia: history and modernity: Local history notes]. Vol. 10. Nizhnevartovsk, Omsk: Omskblankizdat, 2011. pp. 21–54. (In Russian).

Ya. G. Solodkin
Nizhnevartovsk, Russia

SIBERIAN OUTLANDERS SWEARING A SHERT' OATH TO THEIR MUSCOVITE SOVEREIGN (BEGINNING AND CHRONOLOGY OF THE PRACTICE)

Abstract. This paper discusses one of the topical issues in Siberian studies, namely, the beginning of the tradition to administer a shert', an oath of allegiance to Muscovite sovereign, to the peoples of Siberia. Although the historians do not doubt the fact that this practice dates back to the first years of Russian colonization of Siberia, the idea that the oath was administered by Ermak Cossacks, originated by G.F. Miller, cannot be considered conclusive. The author pays special attention to the analysis of Yesipovsky chronicle message of the beginning of such practice at the time of «Siberian seizure».

The study revealed that the evidence mentioned in the chronicle message includes literary clichés available in the Esipov's work. The message contains the text entry of the shert' oath record composed not in the second quarter of the 17th century, as it was previously considered, but rather before the death of Kuchum, i.e. in early 17th century. We have proved that Ermak Cossacks limited their control practices to collecting a tribute, while the practice of shert's oath administered to Siberian outlanders started from the subsequent expeditions of Tsar Fyodor Ivanovich's governors, I. A. Mansurov and V. B. Sukin in particular. We have found that the first oath-givers were Prince Luguay and Prince Igichey, Tsyngop Murza, and a prominent Tyumen Tatar service man M. Achekmatov.

Key words: Siberia in late 16th century; shert' oath; shert's oath record; tribute; Esipov chronicle; Kuchum; Ermak; Luguay; Igichey.

About the author: Yankel Gutmanovich Solodkin, Doctor of Historical Sciences (DSc), Professor, Head of the Laboratory for Regional Historical Research.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 930.253

А. В. Спичак
Нижневартовск, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМУЛЯРА БРАЧНОГО ОБЫСКА В ПРИХОДСКИХ ЦЕРКВЯХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об эволюции формуляра брачных обысков приходских церквей Тобольской епархии в XVIII – начале XX веков. Целью работы является выяснение степени соответствия составления брачных обысков в приходских церквях Тобольской епархии требованиям законодательства. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение эволюции оформления брачных обысков в Тобольской епархии на протяжении синодального периода, выявление и анализ факторов, определяющих изменение в их содержании и оформлении, содействуют пониманию закономерностей развития церковного делопроизводства. Новизна исследования состоит в том, что вопросы эволюции оформления брачных обысков Тобольской епархии XVIII – начала XX веков ранее специально не рассматривались. Приводится определение понятия «брачный обыск» как вида документа. Автором представлены результаты сопоставительного анализа развития форм брачных обысков с требованиями законодательства. Особое внимание уделяется степени реализации законодательных норм, регламентирующих правила оформления брачных обысков в Тобольской епархии в XVIII – начале XX веков. Показано, что практика делопроизводства в приходских церквях подвергалась регламентирующему воздействию, постоянно совершенствовалась, дополнялась новыми элементами. Брачные обыски за XVIII в. в государственных архивах не обнаружены. В приходских церквях Тобольской епархии обыски начали составлять в 1802 г. с утверждения требования к духовным консисториям выдавать причтам специальные книги для записи обысков. Законодательное закрепление правил и совершенствование «церковного письмоводства» способствовали наилучшей сохранности церковных документов. В результате анализа брачных обысков за 1802–1910 гг. выяснилось, что эти документы в большинстве своем записывались от руки в шнуровые (обыскные) книги, которые скреплялись сургучной печатью Тобольской духовной консистории и имели почти одинаковую форму изложения. Только в

некоторых церквях с середины XIX в. начали использовать печатные формы обысков. Таким образом, не все духовные лица осознавали важность составления обысков по установленной форме.

Ключевые слова: брачный обыск; Тобольская епархия; приходские церкви; синодальный период.

Сведения об авторе: Александра Владимировна Спичак, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований.

Место работы: Нижневартковский государственный университет.

Контактная информация: 628615, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, каб. 311; тел. 8(3466)275010, e-mail: spichak-89@mail.ru.

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

Обыск как вид документа – это формальный письменный акт о произведенном дознании и о результатах дознания, совершаемый причтом церкви перед венчанием и удостоверяющий беспрепятственность брака. Указ Синода от 14 июля 1765 г., имевший целью избежать оформление незаконных браков, приказал будущим супругам за неделю до венчания объявить о своем намерении приходским священникам (ПСЗРИ 1830a: 189–190). Данное распоряжение признало обыски законным доказательством брака. Ведение обысков подтверждалось указом от 5 августа 1775 года. (ПСЗРИ 1830b: 196–198). Обыски в некоторых церквях составлялись на «особых» листах, а не в заведенных для этого книгах, и, следовательно, могли быть утрачены. Поэтому Синод 17 мая 1802 г. приказал выдать из консисторий и духовных правлений прошнурованные, с подписью присутствующего книги, «не ограничивая временем» (на сколько лет), представив на первом листе «для единообразия форму». После заполнения книги хранили в ризницах. Благочинным предписывалось следить за правильным составлением обыскных книг. Консистория взяла расписки со священников и благочинных о том, что они будут исполнять предписанные требования (ПСЗРИ 1830d: 13–16).

Разница в содержании обысков приводила к злоупотреблениям: во многих делах о незаконных браках священники оправдывались обычаями, которые были составлены произвольно (ПСЗРИ 1837: 947). Синод 30 ноября 1837 г. утвердил форму брачного обыска, «сообразенную с опытом в делопроизводстве». Книги выдавались «белые», прошнурованные и с подписью одного из членов консистории или духовного правления на неопределенное время (пока все листы не будут исписаны). Консистории должны были указывать установленную форму на первом листе обыскных книг. Под обыском обязывались подписаться как сами брачующиеся, так и их поручители (по два-три с каждой стороны) и производившие обыск члены при-

чта после слов «обыск производили» (ПСЗРИ 1837: 947–948). Указ от 30 ноября 1837 г. установил круг документов, необходимых для составления обыска. Невольным «господским» людям требовалось предоставлять свидетельства от помещиков, управляющих, приказчиков, старост или прочих доверенных лиц. Представленные к обыску подлинные документы хранили в обыскной книге, например, дозволение начальства на вступление в брак чиновнику. От «иноприходной» невесты было необходимо свидетельство ее духовного отца с показанием, девица она или вдова, возраста, посещала ли исповедь и святое причастие. С остальных документов, например, с аттестатов по службе, из которых заимствовали данные о возрасте жениха, следовало делать копии в книгу под обыском, подлинник возвращать с распиской о возврате, с указанием даты совершения брака и подписью священника (ПСЗРИ 1837: 947–948).

Устав духовных консисторий подтвердил обязанность выдавать книги для записи брачных обысков и «свидетельствовать об исправности» книги при их замене на новые (ПСЗРИ 1841: 222). В случае пропуска исповеди для подтверждения православного вероисповедания «брачующиеся» лица предоставляли свидетельство «о бытии на исповеди и святого причастия» с подписью священника и оттиском церковной печати (Павлов 1887: 125). В пятом пункте обыска требовалось указать семейное положение и очередность брака будущих супругов. Вдовцов и вдов разрешалось венчать только с разрешения их начальства. Запрещалось вступать в новый брак, не расторгнув предыдущий, и в четвертый брак. Для предупреждения «двойных и четверных» браков Александр I приказал 7 декабря 1811 г. (ПСЗРИ 1830c: 920) указывать священникам с 1812 г. в паспортах, выдаваемых купцам, мещанам и крестьянам «для отлучек по торговле и промыслам» семейное положение с обозначением имени супруги, даты венчания и названия церкви, в которой оно было совершено. При

вступлении в третий брак к обыску прилагался указ консистории, разрешающий венчание (Павлов 1887: 154–169).

Брачные обыски за XVIII в. в государственных архивах не обнаружены. В приходских церквях Тобольской епархии обыски стали составлять с 1802 г. – со времени утверждения требования к духовным консисториям выдавать причтам специальные книги для записи обысков. Рассмотренные брачные обыски Преображенской церкви с. Преображенского Абалакской волости Тобольского уезда за 1802–1809 (ГБУТО ГАТ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–83), Шишкинской Богородице-Казанской церкви с. Шишкинского Тобольского уезда за 1802–1832 (ГБУТО ГАТ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–82, 98–104, 122–124, 245–302), Обдорской Петро-Павловской церкви с. Обдорского Обдорской волости Березовского уезда за 1812–1856 (ГБУТО ГАТ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–200), Николаевской церкви Курганского уезда за 1818 (ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–123), Николаевской церкви Курганского уезда за 1843–1849 (ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–160), Градо-Сургутской Свято-Троицкой церкви Тобольского уезда за 1850–1856 (ГБУТО ГАТ. Ф. 10. Л. 1–58) и Тобольской Богородице-Введенской и приписной к ней Спасской церкви за 1855–1861 (ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–129), написанные от руки и без выделения красной строки, заносились в шнуrowые (обыскные) книги, которые скреплялись сургучной печатью Тобольской духовной консистории и имели почти одинаковую форму изложения. Название книги указывалось в верхней части первой страницы и отделялась от текста, например: «Книга учиненная и прошнурованная в Тобольской Консистории за силу указа Святейшего Правительствующего Синода мая 16 ч[исла] 1802 года Тобольской Городной ... села Богородской церкви священно-церковно-служителям для вписывания о желающих вступить в брак обысков 1818 года 7 июля 27 дня» (ГБУТО ГАТ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2. Л. 122). Документ мог именоваться и «Обыскная книга» (ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 44. Л. 1).

Такой реквизит, как дата документа, не выделялся из текста, располагался в начале текста, например, «1807 го года октября 28го дня». Текст вносился от руки без красной строки, у всех записей в обыскной книге он аналогичен: «...купец Петр Алексеев Богданов, дал сей обыск в том, что желает в брак вступить первым браком, Тобольского купца Алексея Ми-

хайлова Богданова дворовой его человек Василий Григорьев сын Григорьев, села Кундусского ... крестьянина ... с дочерью его девицей Екатериной, кои между собой как плотского так и духовного родства не имеют ... К бракосочетанию возбраняющего препятствия не имею и оных жених и невеста лет совершенных. А если по свенчании какое к бракосочетанию препятствие окажется, то мне тысяцкому ... ни до какого ответу, и за несправедливое показание подвергаем себя к поступлению с нами по всей строгости как Его Императорского Величества Законы повелевают». Подпись не выделялась из текста, располагалась в начале текста: «В чем подписал ... обыск купец Петр Алексеев сын Богданов» (ГБУТО ГАТ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3. Л. 110).

В начале XIX в. брачный обыск могло подать и третье лицо, тогда документ имел следующее содержание: «По Указу Его Императорского Величества Самодержца всероссийского Обдорской Васильевской церкви, священнику Василию ... с причтом ... (или купец) Андрей Семенов ... дал сей обыск в том, что сочетающиеся Березовского отставного поручика Петра ... дворовые люди ... между собою как духовного, так и плотского родства никакого к бракосочетанию препятствия не имеют и желают вступить в оный брак без всякого какого-либо принуждения и с позволения их хозяина Петра ... и согласия родителей их, которые по христианской должности во исповеди и святого причастия у своих приходских священников делаются ежегодно, принадлежащие христианские молитвы Символа веры, Отче наш и Десять заповедей Господней твердо знают и коих мы, нижеподписавшиеся по сущей справедливости, а ежели хотя едино что о вышесказанном явится неистинное, то повинны мы по закону истязанию, а по Правилам Святых Отцов церковной публичной епитимии, в чем по силе и подписуемся» (ГБУТО ГАТ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об.). Обыски в это время составлялись по одному или два на страницу (ГБУТО ГАТ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–208). Встречаются брачные обыски, заполненные в таблице из четырех граф: номер по порядку, текст, возраст жениха и невесты, причем возраст записывался напротив строчки в тексте с его указанием (ГБУТО ГАТ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1. Л. 21, 33об., 72об., 104, 110, 112, 112об.). К обыскной книге за 1843–1849 гг. прилагается «форма брачного обыска», составленная от руки, которую вписал в книгу и подписал столо-

начальник (ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 44. Л. 1. об.–3). Такие формы можно найти среди обысков в обыскных книгах (ГБУТО ГАТ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–1об., 14. Л. 120–121). Неграмотные прихожане вместо подписи могли что-то нарисовать, например, в Градо-Сургутской Свято-Троицкой церкви было принято рисовать корову (ГБУТО ГАТ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 42. Л. 2–58). В некоторых церквях в середине XIX в. начали использовать печатные формы обысков. Название книги писали от руки на первом листе, например, «Книга, выданная из Тобольской Духовной Консистории причту ... церкви для записи в оную предбрачных обысков», запись с левой стороны отделялась чертой, за которой указывался номер книги. Под названием книги располагались подписи члена консистории, секретаря и столоначальника (ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13. Л. 1).

Наименование вида документа указывали традиционно в верхней части листа «ОБЫСК БРАЧНЫЙ», над ним располагался написанный от руки номер обыска. Текст писали без красной строки и выделения реквизитов, он начинался с даты, составленной в форме трафарета, то есть печатали первые две цифры года, слова «года» и «дня» и формулировки «По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА». Ниже от руки вносили название церкви. Обыск состоял из десяти пунктов: 1 и 2) имена и место жительства жениха и невесты; 3) подтверждение совершеннолетия; 4) отсутствие родства между брачующимися; 5) семейное положение; 6) взаимное согласие, что подтверждали их родители «удостоверительной бумагой при свидетелях и поручителях с обеих сторон»; 7) отсутствие препятствий на вступление в брак после оглашения в церкви; 8) отсутствие преград к венчанию в представленных документах; 9) название церкви, в которой планировалось бракосочетание и год; 10) подтверждение указанных в обыске сведений подписями жениха, невесты и их поручителей. Документ подписывали члены причта, производившие обыск, например, священник и дьячок (ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–1об.).

Рассмотренные брачные обыски Николаевской церкви Курганского уезда за 1877–1880 (ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–110об.), Тобольской Петропавловской церкви за 1882–1887 (ГБУТО ГАТ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 31. 1–101об.), Мужевской Михаило-Архангельской церкви, с. Мужы Куноватской волости Березовского уезда за 1901–1903 (ГБУТО ГАТ. Ф. 700.

Оп. 1. Д. 30. Л. 1–23), Тобольской Сретенской (Пятницкой) церкви за 1908–1910 (ГБУТО ГАТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–24), Градо-Березовская Богородице-Рождественская церковь, г. Березова 1916–1920 (ГБУТО ГАТ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–109об.), Тобольской Михаило-Архангельская церковь 1917–1919 (ГБУТО ГАТ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–41) и Скрипуновской Спасской церкви с. Скрипуновского Березовского уезда 1921–1928 (ГБУТО ГАТ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–51) гг. оформлялись уже на гербовой бумаге по установленной форме.

В конце обыскной книги располагалась надпись, например, «Итого в сей книге номерованных листов числится восемьдесят четыре», и далее должность, имя и фамилия повытчика (ГБУТО ГАТ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3. Л. 83об.) или пономаря и столоначальника (ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13. Л. 1об.), члена консистории (ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13. Л. 126об.), печать Тобольской духовной консистории. Столоначальник и секретарь консистории подписывали книгу по листам в целях защиты документа от фальсификации. В надписи указывались должность, название консистории, имя и фамилию, столоначальник писал по нижним правым частям листов, секретарь – центральным правым (ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–126). С середины XIX в. реквизит «подпись» стал выделяться из текста документа. Если раньше он заключал текст, то теперь располагался под текстом, как в типографских формах, так и в написанных от руки обысках (ГБУТО ГАТ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 42. Л. 2–158, Ф. 715. Оп. 1. Д. 2. Л. 208об.). Некоторые священники, зная о появлении формы брачного обыска, но не имея по каким-либо причинам гербовой бумаги с трафаретом, начали с 1838 г. писать обыски по пунктам, как того требовали новые правила. В это время дата документа еще не выделялась из текста и указывалась в его начале (ГБУТО ГАТ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 42. Л. 2–158, 13. Л. 134–208).

Брачные обыски являются ценными источниками, позволяющими получить сведения для исторической демографии о динамике движения населения, обобщенные и частные данные о возрасте вступления в брак, проценте безбрачия, количестве и периодичности рождений в семьях детей, наличии приемных родственников, продолжительности жизни, причинах и сезонности смерти, в том числе под влиянием социальных катаклизмов в виде войн, револю-

ций, экономических кризисов и эпидемий. Брачные обыски как уникальные статистические материалы дают возможность первоначальной (в генеалогических исследованиях) персонификации и рассмотрения истории отдельных родов и семей, жизненного пути людей с отражением процессов рождения, крещения, венчания, бракосочетания, смерти. Брачный обыск служил доказательством законности брака. С помощью брачных обысков контролировалась легитимность совершения бракосочетания. От того, насколько полно и в соответствии с правилами причт составлял обыск, зависела в некоторой степени и дальнейшая судьба брачующихся. Как и в настоящее время, ошибки и халатность в оформлении документов могли приводить к неблагоприятным последстви-

ям. Однако не все духовные лица понимали важность составления этих документов по установленным правилам.

Можно сделать вывод, что брачные обыски в приходских церквях Тобольской епархии стали составляться по утвержденной в 1837 г. форме примерно с 1870-х годов. Отсутствие гербовой бумаги в церквях, возможно, по причине ее высокой цены, не освобождало священно- и церковнослужителей от обязанности ведения документации по установленным правилам. В настоящее время брачные обыски используются в генеалогических исследованиях. Указание духовными лицами полной, достоверной информации в обысках позволяет использовать эти источники с максимальной полнотой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГБУТО ГАТ** – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».
- ГКУ ГАКО** – Государственное казенное учреждение «Государственный архив Курганской области».
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской Империи.

ЛИТЕРАТУРА

- ГБУТО ГАТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 36.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 31.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 42.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 1.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 1.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 700. Оп. 1. Д. 30.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 2.
 ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 14.
 ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 44.
 ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 85.

Павлов А. С. 1887. 50-я глава Кормчей книги, как исторический и практический источник русского брачного права. Москва: Университетская типография.

ПСЗРИ. 1830а. Собр. 1. Т. XVII. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830б. Собр. 1. Т. XX. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830с. Собр. 1. Т. XXXI. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830d. Собр. 1. Т. XL. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1837. Собр. 2. Т. XII. Отд. 2. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1841. Собр. 2. Т. XVI. Отд. 1. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

REFERENCES

- The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 75. Inventory 1. Case 36. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 82. Inventory 1. Case 31. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 92. Inventory 1. Case 13. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 103. Inventory 1. Case 3. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 109. Inventory 1. Case 2. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 189. Inventory 1. Case 42. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 628. Inventory 1. Case 1. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 629. Inventory 1. Case 1. (In Russian).

- The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 700. Inventory 1. Case 30. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 704. Inventory 1. Case 1. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 715. Inventory 1. Case 2. (In Russian).
 The State Archive of the Kurgan region. Fund 13. Inventory 1. Case 14. (In Russian).
 The State Archive of the Kurgan region. Fund 13. Inventory 1. Case 44. (In Russian).
 The State Archive of the Kurgan region. Fund 13. Inventory 1. Case 85. (In Russian).
 Pavlov A. S. 50-ya glava Kormchei knigi, kak istoricheskii i prakticheskii istochnik russkogo brachnogo prava [50th chapter of the Kormchy book as historical and practical source of the Russian marriage law], Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1887, 452 p. (In Russian).
 Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (further – CCLRE)]. Coll. 1, vol. XXXI, 24902, 1830a. p. 920 (In Russian).
 CCLRE. Coll. 1, vol. XVII, 12433, 1830b. pp. 189–190 (In Russian).
 CCLRE. Coll. 1, vol. XX, 14356, 1830c. pp. 196–198 (In Russian).
 CCLRE. Coll. 1, vol. XL, 20266a, 1830d. pp. 13–16 (In Russian).
 CCLRE. Coll. 2, vol. XII, part 2, 10759, 1837. pp. 947–948 (In Russian).
 CCLRE. Coll. 2, T. XVI, part 1, 14409, 1841. pp. 221–263. (In Russian).

A. V. Spichak
Nizhnevartovsk, Russia

DEVELOPMENT OF MARRIAGE SEARCH RECORDS IN PARISH CHURCHES OF TOBOLSK DIOCESE IN THE 18TH - EARLY 20TH CENTURIES

Abstract. The article discusses the development of marriage search records in parish churches of Tobolsk Diocese in the 18th – early 20th centuries. The aim is to clarify the extent to which marriage search records in the parish church of Tobolsk Diocese comply with legal requirements. The work is relevant due to the fact the study of marriage search records registered in Tobolsk Diocese during the synodal period, as well as the analysis of factors determining changes in record content and design shall contribute to understanding the laws and development of church records management. The study is of a particular research novelty, since so far the researchers have not addressed the development of marriage search records in Tobolsk Diocese of the 18th – early 20th centuries. In this work we define the notion of «marriage search record» as a specific type of document and analyse the forms of marriage search records, their development and correspondence to the legal requirements. Particular attention is paid to the degree legal norms regulating the rules of marriage search record in Tobolsk Diocese in the 18th – early 20th centuries are implemented. The study proves that the parish church practice was subjected to regulation, was constantly improved and that new elements were added. The study revealed no marriage search records of the 18th century in the state archives. Parish churches of Tobolsk Diocese began registering marriage search records in 1802 when the diocese approved the requirement to theological consistories to give the clergy a special book to record such search records. This fact indicates that the statutory rights and improvement of «church letter management» contributed to the best preservation of church documents. After analyzing marriage search records registered in 1802–1910 we concluded that these documents were mostly registered by hand in cord (search) books fastened with wax seal of Tobolsk Theological Consistory and had almost the same form of presentation. Starting from the middle of the 19th century there were several churches which began to use printed forms of marriage search records. Thus, not all clerics recognized the importance of drawing up the search records in accordance with the prescribed form.

Key words: marriage search record; Tobolsk Diocese; parish churches; synodal period.

About the author: Aleksandra Vladimirovna Spichak, Research Associate of the Laboratory for Regional Historical Research.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 93/94

A. B. Степовой
Нижневартовск, Россия

ПОСТРОЙКА САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ У СЕЛА ЗАЛОМНОЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В данной статье приводится материал о постройке, исследованной А. Г. Николаенко и краеведческой группой «Алан» в 1973 году у села Заломное Белгородской области. Материал о ней не был опубликован автором исследования, хотя она представляет определённый интерес как объект культуры населения Заломенского селища. На основе массового керамического материала и характерных находок селища и постройка были отнесены к салтово-маяцкой культуре VIII–X вв. н.э. Заломенское селище расположено в пойме реки Оскол в котловине между песчаными дюнами, непосредственно соприкасаясь с левым берегом. Поэтому оставившее его население салтово-маяцкой культуры, в силу геологических условий, не могло